

НИЯЗИ,

лауреат Государственных премий СССР, народный артист Советского Союза, депутат Верховного Совета Азербайджанской ССР

них стал мне рьяно доказывать, а другие энергично поддакивали, что Азербайджанская Республика, де, сказочно богата, да вот вопрос: все ли достается ей, не ульывают ли ее богатства на сторону? Я некоторое время сохранял спокойствие, а потом взорвался не столько из-за циничной при-

роды поставленного вопроса, сколько от мысли, что будь эти люди у власти, с каким бы превеликим удовольствием они пустили бы по миру мою Родину.
— Вот вы, — обратился я к одному из них, — говорите, что недавно ездили туристом в Баку. Так?
— Так...

— И в Бакинском метро был?

Оказалось, был. Каждый день из конца в конец ездил, не мог налюбоваться. И в поселки Разина, Монтана ездил, и в микрорайоны, и на стадион, и на бульвар. Ошалел от всего увиденного, до сих пор прийти в себя не может.

— Вот теперь все вы возьмите карандаши, бумагу, давайте устроим элементарный урок арифметики. Считать вы еще, надеюсь, не разучились? Как, по-вашему, сколько стоит постройка метро? Пишите, пишите, как вы это представляете себе, только помните, что во многих европейских и азиатских столицах сколько уж лет примериваются строить метро и займы на этот счет брали, а все никак не получается. А мы взяли, да сделали. Построили красивый метрополитен именно на те деньги, которые, якобы, уходят на сторону. Москва, Москва, Киев, Ленинград... Специалисты послали материалы, оборудование, вагоны, людей, наших научили.

Я наступал, я бил их фактами, правдой! Все эти люди были во власти политических спекуляций, дипломатических подножек, им было непонятно, что во имя великой цели можно даже где-то поступиться своими интересами.

— А теперь напишите, сколько, по-вашему, стоит один дом. Дом на шестьдесят квартир, например. Двух-, трех- и четырехкомнатных, с ванными, туалетами, кухнями, прихожими, газом, водой, электричеством, лифтами.

Только за 1975-й год в столице нашей республики, я подчеркиваю — нашей, построено больше пятисот тысяч квадратных метров жилья. Сейчас Баку больше, чем наполювину со-

стоит из новых домов. И Кировабад тоже, а Сумгаит, Мингечаур, Али-Байрамлы, Дашкесан — полностью. И это на те, «сторонние» деньги.

А знаете ли вы, сколько стоит один водопровод? Их в Баку сейчас четыре!

Ручки застыли в руках у моих оппонентов. В глазах было смутнение. Они, по-видимому, не раз плакались друг другу в жилетку, жалели ближних, оставленных, как они понимали, на «произвол» большевиков, а тем временем «ближние» переселились в новые квартиры, ездили в Сочи и Нафалан на курорты, поступали в вузы, защищали диссертации, становились профессорами, академиками.

— Запишите, господа хорошие, еще две цифры: 17 и 100.000, точнее 99.300 столько в Азербайджане вузов и обучающихся в них студентов. Ну как, довольны?

Вот тогда для меня совершенно неожиданно раскрылся глубокий смысл фразы о том, какое огромное богатство наши пограничники охраняют: Советскую власть, революцию — во всех ее проявлениях. Охраняют они Родину от всяких непрошенных гостей, от врагов, которых у нашей страны совсем еще не мало, от лобби-телей поживиться за счет чужого, от политических трупов.

Ну, и хватит о них!

Я начал свой рассказ о концерте на заставе. Но такие выступления — и нашего симфонического оркестра, и других художественных коллективов — на заводах и фабриках, морских нефтепромыслах стали в последние годы традицией. Произошло так потому, что классика — и русская, и западноевропейская, и азербайджанская — уже доступна не избранным, а тысячам лю-

дей, и меня, как артиста, это не может не радовать. И не только произведения со «звездным», помеченные XVIII или XIX веками, но и наша, советская классика. Эстрада эстрадой, джаз джазом, я относюсь к ним с уважением, и все-таки симфоническая и оперная музыка, Чайковский и Верди, Узеир Гаджибеков и Прокофьев, блестящая плеяда современных композиторов, в том числе и азербайджанских — это мир больших чувств, возвышенных идей, богатство чарующих звуков. Такая музыка облагораживает человека, делает его добрей и мудрей, я всей душой только за такую музыку — без формалистических вывертов, безумную истоки свои в народном творчестве. И интерес к ней, если философски осмыслить это явление, тоже многозначен, он — свидетельство в пользу того, что поистине широким массам стали доступны самые большие высоты культуры.

Подлинно революционным идеям и революционному искусству больше всего противопоставлена абстракция. Цели народных революций всегда доступны и ясны миллионам. Потому-то и овладели миллионами людей идеи Великого Октября, идея мира — прочной и длительной. Мы, советские люди, завоевали такой мир. К нам в дом пришла радость созидания. А это основа основ политики социалистического государства, не знающего безработицы, энергетических и других кризисов и потрясений. Не лихорадит нашу экономику; живем, работаем, учимся, творим. Потому что пятьдесят восемь лет назад бесповоротно взяли в свои руки свою судьбу, судьбу нашей Великой Отчизны!

ЭТОТ необычный концерт проходил на заставе, у южной кромки советской земли. В гости к пограничникам приехал Азербайджанский государственный симфонический оркестр имени Узеира Гаджибекова. Но вот задача — где выступать? Дворца культуры тут нет, вместительного клуба тоже, а на дворе, в тени плюс 36 по Цельсию. Но и в таком тонком деле, как симфонический концерт, нашлись свои рационализаторы. По их предложению вынесли из казармы все кровати, тумбочки, расставили люстры, стулья, скамьи. Вскоре я занял место у дирижерского пульта...

У заставы свой режим работы. Главная нагрузка на нее ложится ночью, а днем, до обеда, те, кто был в дозоре, отдыхают. На этот раз, правда, в виде исключения, пограничникам разрешили поспать позже. Концерт!

Конечно, с точки зрения чистого искусства тут было немало отклонений от правил — казарма ведь не филармонический зал. Не было фрагов, парадных люстр. Не уверен, что всем слушателям были знакомы имена Дебюсси и Равеля, это были простые парни с украинских нив, из рудников Урала, Казахстана — рабочие, колхозники. Но играли мы для них с подлинным вдохновением, как это случается в особо торжественных случаях. И наш подъем, я бы сказал — окрыленность, был рожден волнами горячей благодарности, признательности, исходивших из зала. Артисты, разве станешь винить их за это, любить, когда им аплодируют. Но еще больше мы любим, когда находим в сердцах слушателей отклик, а сами они сразу же становятся нашими единомышленниками. В этом ведь высшее творческое наслаждение для художника. В тот день все мы — и оркестр, и слушатели — представляли собой как бы

одно целое, зал единомышленников. И я умирать стану, не забуду фразы, которой закончил свое приветствие после концерта начальник заставы: теперь мы, товарищи, пограничники, еще лучше почувствовали, какое красивое искусство, какое богатство мы с вами охраняем...

По роду своей профессии мне часто приходится бывать за рубежом. На концерты порой приходят те, которых революционные бури Великого Октября выбросили за пределы нашей страны. Они ищут встреч с советскими художниками, туристами, спортсменами, в частности, со мной; не могу сказать, что это всегда доставляет мне удовольствие, ведь среди них бывают люди скучные, однообразные и озлобленные. И все-таки такие встречи случаются.

Любопытно, что все «бывшие» долго не могли взять в толк, как это могут в СССР сохраняться в строю фабрики и заводы, которыми когда-то владели они. Они больше всего ждали, что в Советской стране не сегодня-завтра все рухнет, все пойдет прахом, и тогда к ним придут и попросят: бога ради возвращайтесь и, так сказать, владейте нами, как в

«добрые старые времена»... Но никто не приходил.

Время шло, история отсчитывала свое, отделяя страну от периода национального горя, социального несправедия моего азербайджанского народа. Справлялись все эти годы со всеми заботами — сами. Восстанавливали истерзанные села, разрушенные города, возрождали промыслы, заводы, фабрики — сами. Строили трамвай, электрическую железную дорогу, возводили электростанции, прокладывали каналы — сами!

Но они все ждали, а приглашений все нет и нет, и от волнений сердца «бывших» были расстравлены вконец: с десятилетиями боль, правда, не сколько поутихла, а вот nostalgia... Но и это чувство у разных людей проявляется по-разному. Одни из них жадно ловят вести из Советского Азербайджана, выписывают газеты, читают произведения азербайджанских писателей, у других вся информация о прежней родине трансформируется в сознании однобоко и выстраивается все равно в антисоветском духе.

Однажды у меня зашел спор с группой таких людей. Не хочется называть их, к тому же вряд ли их имена скажут что-нибудь даже людям моего поколения, не говоря уже о нашей молодежи. Передо мной сидели старики с потухшими взглядами, подагрическими шишками на руках, согбенные заботами о хлебе насущном, и, конечно, партийной грязней. Это были скорее тени людей, и я, грешным делом, подумал, что они похожи на десертиров с того света, на вчерашних мертвецов, у которых еще продолжают расти волосы. Но нет, они еще были живы и нафаршированы злобой, один из